

М. Мазнина

С И Я Ю Щ И Й Э Л Л И П С

(или ЧЕТЫРЕ ПРЕДМЕТА ОСЕНЬЮ/

В зоологическом музее тишина, безлюдье. В блестящих, скрипящих на четных ступенях, туфлях поднялся на второй этаж. Долго искал. Выбился из драгоценного терпения. Поднялся выше. Медленно подошел к искомому. Склонился.

На сфере жемчуга сидит тарантул старый. Он обнимает серебристый кокон и согревает молчаливо, и чувствует: искрится напевное сияние. То — сожаленье об утрате моря, о предстоящем плене в лапках броши на человеческой груди крикливой. Молчит паук, скорбит, что жемчугу не стал он другом, хотя за согревание расплата больше, и за свободу от ювелирных козней — тоже. Отдай мне, шар, умение продвигаться, я каплю яда подарю за это, чтоб полновесней и сильнее стали моя угрюмость и света твоего спирали..... Он был последним посетителем. Покидая скелеты и мумии мысленно произнес: вы уже там.

Цивпувили пташки. Небо расхорошелось. Асфальт пропотел. Корабельные роши воспряли духом. Колбы жизни взорвались оранжево-пенно.

Этим утром, надевая рубашку, ощутил укол-удар в центр спины, в позвоночный столп. Выгнул спину. В сердце шумел нападм. Пал на колени, ударился холодным лбом в пол. Позволил таракану пощекотать барабанную перепонку. Откуда боль? Горячо, воспаление легких: раздавил зубами бутерброд со стеклом. Шестой этаж, в кабине лифта отвалился пол. Спасли подтяжки. Вернулся в комнату. Снова удар в спину. Откуда в квартире шершни? Поставил ноги в таз со льдом: пусть тело само выбирается из горячки — клин клином Казалось, внутри позвоночника застряла блесна с кованным тройником. Но вдруг полегчало, отвлекли шпалеры пейзажей —

шрапнельные взрывы зеленотопольных перспектив.

Самое славное время в городе с девяти до десяти. Уже заполнены заводы и институты, школы и детсады. Началось повествование о стальной балке, об аденоме, о династии Аккада, о кошмаре крепостничества и семи Богатырях. В эти часы, точнее — в эти минуты город без пешеходной эфемерности, без давок, криков, элегически причесан или утренней хмарью, или зыбкими нитями дождепадов. Вобрав полусонных детей своих, проглотив то, что выплюнул по звонку будильника, он снова одинок и покинут. А без покинутости он походил бы на базар или на тараканник. И надо спешить пройти по еще незашарканным мостовым, по пустым прохладным дворам, пробежать взглядом по спокойным глазам Устья, чтобы прошептать про себя: все на месте. Последнее слово не успевает долететь от бронхов до зубов; дым, пар, зыканье, цаканье, бубуканье, трак-траканье взрываются над бывшими топами и, вставший на дыбы гигант, скинув поэтическую маску прошлых веков, конвульсирует в повседневных неизбежностях дел.

После музея в столовой ковырял треску по-польски /почему бы и не по-мексикански/, красным глазом следил-отмечал: студенты пьют чай без сахара — пропили стипендию, девушка пьет кефир, у нее синие губы — порок сердца дорогие чулки — первое либидо. Мужчина бесстрастно разглядывает соседа, у которого из носа торчит красная марля и свищ на лбу — врач, поедает салат — витамины. Плохо быть наблюдательным, тошно !

Взглянув на часы, надо успеть на Синопскую набережную к взрыву храма. Все-таки не успел. По развалинам ходили солда-

ты. У самой Невы стояли два черных старичка. Один из них схватил проходившего мимо зеваку за рукав, показав пальцем на развалины, спросил: куда ее перевозят? — ее не перевозят, а сносят. На ее месте построят гараж или оранжерею — Жирею? — не понял старик.

Когда солдаты ушли, влез на грудку кирпича, долго рылся в развалинах. Нашел женскую косу, грош, образок.

Мимо; мост, машины, машины. С кирпичного завода везут на угольных склад кирпичи, со склада на завод везут уголь. Шелушение минералов. С юга везут плодоовощи, на южное кладбище везут обессиленных.

Свернул в переулок. Перед одним из домов прыгают мужчины в белых рубашках. Из окон роддома жены записочки кидают. А кому-то вышвырнули деревяшку. Зашел погреться в зубную поликлинику. Поднялся в огромный блестящий зал. Громкоговоритель выкрикивал фамилии в комнату наслаждений. Соседка слева как на вибростекле, предложил успокаивающее. Женщина справа /причем здесь скульптурная шея?/ застыла в предчувствии комы. Интересно, какие зубы были у Кановы? Соседка слева совсем посизела. Ах черт, он угрожал ей пургативное! Надо бежать. С криком "безобразие" он кинулся к выходу. На лестнице задел санитара, тот выронил стальной сундучок. По всей лестнице рассыпались желто-алые зубы.

В трамвае вспомнил правила хорошего тона: если женщина, сидящая на диване, предлагает вам садиться, не садитесь рядом с ней, а берите отдельный стул, а если женщина начала разговор, немедленно предложить ей стул и не начинать разговор, по-

ка она не снимет калоши. Не отказывайтесь, если вас просят что-нибудь спеть или сплясать. Вино наливают до пояса рюмки, во время обеда не курить. Красить губы можно только в ресторане. Подлинно культурный человек не станет вытираться грязным полотенцем.

Трамвай привез в тишь Крестовского острова. Шаги по размазне дорожек. На ходу несколько страничек "Малого Ламрима" Цзонкаба. А вот и крестовское голубиное стрельбище, точнее, — место, где оно когда-то было. Ржа, проволока, обгорелый /не от старости ли/ матрас, чемодан с письмами и игрушечными головами. Минута прострации. Долго смотрел на воду с моста. Почудился на дне автобус с пассажирами. Вон, даже пузыри поднимаются изо рта водителя. Нет, это рябь. Что же там блеснит? Присел на край мокрой скамьи. Снег. В черноту светил прожектор. Там, где у тени была шея, в пустоте, в черноте, на фоне зыбкой, мокрой ирреальной материи падающего снега появилось отражение. Вдруг разверзся лоб, края раны обуглились и стало видно, что в голове у Отраженья дрожит огромный сверкающий эллипс. О, боже! Снова рябь. Страшно посмотреть, а хочется! Да?

Цветочный печальник, ветвяной молчальник коченел в ожиданьи дождей. Сукровенила засимь прогностых тяжей. Через кротьи пещеры кожа земли освежала свой дух.

Под ногами хрустело так, будто с каждым шагом он давил голову утенка. Вышел к берегу. Светало. В тростнике стоя спал мужчина в черном костюме. Вкруг тульи его шляпы свернулась молодая красная змея. Подошел к спящему, стал его будить:

проснитесь, там автобус упал с моста, вы похожи на водителя..... Выбрался из воды, пошел по теплой земле. Кое-как добрался до ночлега. Весь болью налитый, как бомба упал в кровать-арсенал, масляный, ждущий разрыва, взрыва спины. А коршунья тихто гошит. Во сне боляхный черепан-дракомеля жубрил гульбу с блицем.^I Язвил его пасть тяжеленький хмык. Не от него ли боль? Пытался заглушить боль выдилом коренного зуба. Клеши-гвоздодеры прокомпостировали язык. Нечем было кричать. В груди прели сумерки. Когда покончили с обедом гончар снова спросил: а в том автобусе меня ты не видел. Можешь соврать, ответ себе оставь. А я тебе расскажу о тебе. Когда созрела осень для спасительных свершений, а вороны стали ходить расставляя лапы как расставляют их музыкант с напильником в, когда от лета остались желтые газеты /они ломались - засуха/, ты собрал с единственной вишни тридцать пять ягодин. Хотел сделать компот, но коза слизала. Ты убил козу, сшил детский тулуп, продал, продал дом и уехал на далекий шпало-пропиточный завод. С утра до вечера он подцеплял крюком белые шпалы, взвалив на плечо /войлочная подстилка/ тащил в цех. Но как-то ты подскользнулся и ударился лицом об вагон. В ту ночь сгорел цех. Пролежав месяц, теперь он работал учетчиком. От бывшей жены ему пришло письмо, она сообщала о трагической гибели /бывает и комическая/ десятилетней дочери и семилетнего сына /перевернулся школьный автобус/. Теперь алименты он не платил и смог оклеить свою комнату новыми обоями. По выходным подрабатывал

I/ Большой гончар -пустобай жевал картофель с грибом.

на разгрузке торфа. Так, вдали от родных мест, он прожил восемь лет. Шпалы, торф; любимый липовый чай. На ночь гла-
дил чучело кролика и вешал свежую липучку для мух. Засы-
пал. Ехал в отпуск посмотреть на город, на жену, пока-
таться по окраинам на автобусе, погулять ночью по парку.
Однажды, пробираясь в черном костюме и в шляпе по тростни-
ковому весеннему берегу, его сковала судорога. Ты не пом-
нил сколько простоял в окостенении, тебя кто-то будил,
кричал, что ты похож на какого-то шофера Ты был недви-
жим. Тем же вечером ты повстречаешь свою жену вторую. Она
будет одной из тех сорокалетних одиноких женщин, которые
надорвались в поиске кавалергарда, завели ребенка от вчерашне-
го школьника, затем, отдав дите под присмотр бабушки, за-
нимаются слаломом и рыдают над гениальным Дюма, пока, на-
конец, тихую благодать ожидания не нарушит кто-нибудь из
немного седых, скромных, но энергичных в вопросах побелки
стен, мужчин убежденных, что женщину ничуть не портят но-
ги со взбухшими венами и бородавка на затылке. В первый
день знакомства она просила рассказать про первую жену.
Тогда, давным-давно ты жил как чей-то сон. Ты не знал с
чего начать, не донесла прикосновение, от нее ударило теп-
ло прощанья словно воздуховорот меж встречными поездами.
Забывость, былость. Донесла картину сумерек: мерк сумерк.
Первобытные звуки леса. До дома идти сквозь безответный
лесостой. Поужинали десятью каплями будущего янтаря. Она
проколола пятку-кровь во тьме не видна- обману- поиграю
в жмурки - заблужусь/ не вернуться.

Поднимались на седьмой этаж — обнял на первом — целуй —
третий — этаж — еще пули в двери — это гвозди — растерзан-
ное письмо на окне — целуй — пятый — этаж — задохнулся от
подъема — одышка — а она пусть думает — страсть — так и есть —
пора изменять вину — а что тогда пить ? — формалин ? — у нее
сумочка старая — может быть — снова медные гвозди — тень от ко-
та — может быть подарит ей — шестой этаж — может быть пода-
рит ей сумочку, а в нее положить полевые цветы — разбитый
витраж — пустая бутылка — — перед дверью успеть бы поцело-
вать ее в шею там где на слегка загорелом изгибе — а какой
плавный переход с шеи на грудь — опасный спуск для лыжника —
— между ключицей и грудью можно сломать ноги — на шее еле
видимый след золотой пудры — это цепочка — и чуть прикусить
колечки замка — интересно какой вкус у золота любимой жен-
щины — — позвонил потом надо вымыть палец до меня звонило
старушечье — — пока открывают дверь могу поцеловать ее в
живот нет не успеть узел на пояске успел но забрякала це-
почка — разглядывал ее ухо голос будит статику мозга — неу-
жели у нее есть мозг — Тьфу — еще пять прикосновений губами
к — как Это некрасиво иметь мозг — — держит дверь — нако-
нец, хозяйка впустила — — вечернее трепетание ушей — вздох
нег голые плечи лечь — поблеклость высоты иссякла — — лю-
бимая что взять у тебя от тебя из тебя самое ценное — —
все кроме живота — вижу в нем кладбищенские перлы — оставь
живот — возьми с собой милый верный груди руки ноги и го-
лову и волосы возьми — — но как же быть поднять тебя не в
силах я останься призрачной нет я забуду — останься памятью
нет я оставлю и свою — останься звуками я буду сожалеть о

о звуке — о звуки! — таинственно-заветный водопад.

Всю жизнь всю маленькую жизнь стремилась ты к преодолению однозвучья — всю каверзную жизнь стремилась в забытость пейзажных геометрий — так как же быть? как мне и заодно тебе убраться отсюда ноги спину руки грудь и волосы твои как мне убраться чтобы донести до чуть не сказал до солнца нет до антисолнца упрятать от рассадника конечных криков от больниц от взглядов из пустых глазниц от пахоты от певчих и от слова от зяблых лиц от сказок и от мифов от сущности твоей как унести тебя? да и себя как от себя упрятать?

В ванне холодом окутала берцовый изгиб вода. Молодая жена принимала в себя колебания водной плоти, прошедшей атланта-индо-тихотихооке- /по Оке лесоплав/ — море Лаптевых-море кирзовых. Помылась, ласочкой прошлепала к мужу. Конфетку под язычек. Мурлыкая принялась за неистовства. Семейные вздохи впитались талым усталым снеговиком ...

В одних чулочках сиживала на балконе, обрамленном иванчаем-да-марьей. Дожидалась его. Через камышинку желудовый кофе. Лямзала ножкой о ножку. Ежила реснички. Видела краем глаза: мужающий дылда, белиберденыйш в папин бинокль рассматривал ее. Первое и последнее шевеление плоти /дожди, он отиравится волчьими ягодами/. Скинула /кш-шк/ кота с коленей. Подвальный гангстер, позабыв уроки эсхатологии, перебросил амурные мостики от кошачьих к приматах. Бесстыдник пошел маньячить под диван. Оттуда сурел его лобик.

на мосту. Глаза на мосту закрылись обессиленные, убитые толстым стеклом. Прошел дальше в парк. Эллипс Отраженья. Осенью вспорхнули светлоты над частью набережной. Пернатая роскошь взлетела над россыпью рос. Лодки, лодочки, лодищи, лодченки, лодченята, лодченушки, лодчушки, лодчущата, лодчушченки, лодченятушки, лоденки, ладьи, ладьищи, ладьишухи выплыли из пребрежного колыхания водной истомы.

Дуэль ветряная прокоробилась в выстреле дува, в расселинах ртов моложавых волков продолжали плодиться, роиться; крики, и ахи, и стоны, и вопли ветров и ветрил; мшистые низы и сизи; мошкарные тучи влюбились в облако гнилей.

В Александровском саду дети сбивали желуди. Форштевнь носа Николая Васильевича выглядывал из-за серебристой ивы. На него сквозь фонтан смотрел дуэлянт. Безрукая бронза.....

Присел отдохнуть, но пристали цветные попрошайки: погадаем, погадаем. Вяло отбивался: студент, денег нет.

Кочующие лицемеры удалились в облаке ругани, злобствуя, прошаркали, давно позабыв пальмистрию, пропившие монасты и бубен.

Гульбище колобродило. Воскресенье — панихида по выжатой неделе. Пыльные смерчи освежают, овеивают перекрестки. В пустом заводе время отдыхает. На станке забытый

бутерброд. Промасленная кошка ляхает газету, пьет чернила, в рыжий угол спать идет. По радио звучат марши,

К вечеру на перекрестках задымили урны— городские кадилыни.

Голуби сеяли орнитов.

По Невскому со второго этажа Гостиного Двора отчаянный визг сторожевого кобеля.

Сильный порыв ветра выбил оконное стекло. С седьмого этажа широкий прозрачный нож, свернув острыми скользкими краями, спланировал в шею задремавшего на скамейке скитальца.

Возвращался домой в трамвае. Визг тормозов: шли муж и жена. Визг. Балетные конечности жены под трамваем и сама же— по другую сторону рельс. Между туловом и ногами на рельсах липкая ленточка капрона. Муж присел как при стрельбе с колена, вытянул палец: паф, паф. Бросился под промазченное брюхо вагона. Схватил ноги, вскинув на плечи закричал: кому молодая ветчина, штука пять копеек! Вожатый закусил пот плавленным сырком: сама виновата. Муж бросился избивать жениными ляжками: это мясо слаще кенгуриного. Желтая кровь иссякла. Толпище блело. Пыльная раззява-ветерок плюнул гнилятиной листопада. Кровушку поперчили песком. Вагон заржал, встал на дыбы.

Ему лишь через неделю позволили навестить вторую жену. О ногах ни слова. Наклонился поцеловать наперсницу ..

и увидел маленькую обугленную рану на лбу, а в ней..... светносный.....зародыш ! Но вот началось дро- жание стен, вылетели стекла, озера взлетели, взревела ре- ка, потемнело, в окна ворвались потоки воды. Его зятяну- ло в воронку с девятого до первого этажа, и вышвырнуло в район Театральной площади. Здесь была тишь. Над Мариинс- ким театром проплыл батерфляем. Передохнул на огромном шка- фу. Сменил костюм, закусил живым сомом, он плыл с Петро- градской; на спине доплыл до Адмиралтейского шарика, вода поднялась и до него.

Снова передохнул. Доплыл до Эрмитажа. Набрал воздух нырнул. Спустился до четвертого этажа, пробежал по ступень- кам до первого. Из-за угла был атакован тигровой акулой. Но обошлось. Она узнала Хозяина, а он продолжал путь в от- дел Египта. Так и есть: мумии нет, ожила, уплыла. Догнать. Непременно догнать. Свистнул- но акула не появилась, толь- ко обвалился потолок и превратившись в твердое пламя вынес ныряльщика на поверхность. С гребня мощной волны увидел меж охтинских труб- точнее, меж кончиков труб-загорелый за- тылок уплывающей мумии. За два дня достиг ее и схватив за горло потащил ее к Древне-Русской возвышенности.

Обогревшись у костра, был успокоен мумией, которая утешая его, подарила на память небольшой сверкающий эллипс, вынув его из своей сухонькой головы. Он к вечеру набрал грибов и поджарил их в ладонях. Мумия покушав, свернулась калачиком и подсвистывая носом заснула. Но во сне она ино- гда говорила, что-то нашептывала, вскрикивала: не было у те-

у тебя ни жены, ни дома, ни детей, ни себя. Ты даже не родился. Но когда ты родишься, не вспоминай меня. Мне и так досталось и при жизни и после нее. Сколько раз я говорила обращаясь может быть и к тебе, моему спасителю: пора готовиться к бегству, давно пора вырваться из плена лингвистических ошибок. Твое тепершнее "я" — это яма от ушедшего "я". И, показывая тебе эту яму, я утверждаю: насколько может утверждать человек опытный: бежать надо одному, тайно. Бежать как можно скорее, а то истинный дом исчезнет из вида, скроется из глаз твой истинный хозяин, для потехи называвший тебя своим "я"..... Впрочем, я говорю глупости. Я пошутила Спи, завтра снова под стекло

Из музея возвращался ~~хмурый~~ хмурый. Весь день в буфете пил пиво, глушил в себе раздражение: второй брак и снова трагедия. Жена при смерти. Вчера медсестра в коридоре сказала: больная просила, чтобы вы не хоронили ее ... но это она в бреду и еще она говорила про какой-то эллипс. — Ничего не знаю, — прошептал и вышел.

Но еще через месяц она приехала домой на такси. Она смеясь сообщила, что ждет ребенка, а он смеясь целовал ее и носил на руках. Но на утро ее кровать была пуста и в комнате стоял кроваво-скользкий дым.

Пора было возвращаться из отпуска. Его ждал шпало-пропильный завод.

Перед поездом он заехал попрощаться с женами. По земле, над костями ходили родственники костей. С закрытыми

глазами, с палочкой, в темных очках, как слепой, прошел до номера 4, не раскрывая глаз мысленно прошептал молитву: да поможет мне и только мне великий спаситель, только мне и только мне да не поможет великий

Он вытянул руку и, обласкав горизонт, вылил на землю бутылку вина. Прошептал: видишь, как я щедр... но я не только щедр, но и счастлив, счастлив несмотря на то, что в Управлении Истиной мной не довольны.— Но эти слова он уже проговорил входя в вагон.

Зима захрипела, раскиселилась, в свежий бархат снегов свое сердце скрывать перестала.. Одернула саван прощальный в плясе метелей. Кровью лед проистек. Посмешище певчих ехидно задергалось трелью.

Рессорная тачка со старой Зимой по половодью снов замордованных семяноносцев в сумерках парных, без шума без гама рессорная тачка со старой Зимой катилась, с собою прощаясь. Крики весны приближались.

Кружевницы утр все более вяло затягивали лужи, когда тачка со старухой была сброшена в шахту на тело прошедшей осени.

Весенние дни— эти горлопаны с барабанами, грязные с лицами гнилых идиотов /вместо головы только рот/ прокричали Ура и ушли закусывать кошачьими воплями.

Вода причесалась надеждой.

Двое суток в пути. Подошел к берегу моря. Из дремучего леса глядело на волны Ничто.

В бутылку вложил мелко исписанные листки, плотно закупорив швырнул ее в волны.

Пульс — поклониться в пояс— Никогда— Бялое — Ветр— Дождь— мокрые камни— Осторожно— не подскользнуться— вот и сухостей— нож туп— лучше ломать— на поляне?— нет— вместе с лесом. На земле лежит пальто, облитое бензином на него уложен хворост, на хворост положить дрова и снова хворост. Для аромата немного хвои, еще дров. Четыре железных обруча на самом верху чтобы тело не встало, не вывалилось, не вспорхнуло, не струсило. Рядом небольшой окоп для охлаждения коньяка. Что еще ? Рубашку можно не охлаждать. Бутылка уже в пути. И ему пора. Поджег длинный шнур; пока огонек приближался к будущему костру, он влез на верх, лег, вздохнул, выпил коньяк, съежился; в глаз попала капля дождя, как долго она летела, но откуда куда— сверху вниз или из глаза в облако ? Трехкилометровый путь.

Кукла раздавила зубами ампулу и ахнула, взорвавшие пламя костра, тщательно продуманного, и лопнула от жара голова, и что-то похожее на черную извивающуюся ленту, взметнулось вверх, в родные, покинутые просторы; черная лента стала белой, упругой, блестящей, сияющей; она превратилась в эллипс отраженья. И усталые рыбаки в шляпах подняв головы различали в середине эллипса то паука, то красную змею, то мост, то затопленный городок, то зимний пейзаж, эллипс поднимался все выше и выше, исчез.

Долго еще бесприютные слова блуждали по лесу: расставаться не легко, но впереди долгожданная встреча с покинутым домом, с друзьями. Сколько же можно скитаться по ~~чуждым~~ пространствам голодному и слепому. Там, на Родине давно горит свет и огонек манит, зовет покинутых и обреченных.

Не осенью, а весной подводят итоги перед кольцевой дорогой Неизбывности. Пересчитывают оставшихся близких, вспоминая дни смакования недугов.

Бродячими псами с глазами дряхлого осьминога скитаются тени по непросохшим паркам, щелкая прутиком, щурясь, останавливаясь взглядом на паучке или гвозде в березе. Скособоченной шляпой распахивая ленивые предлетние воздушности проходят во Вне.

Бритая девочка-крохотуля остановилась у выброшенного на берег моря сосуда из темного стекла, окутанного промазученными водорослями, уже подсохшими на апрельском солнце, в свете которого жижикали пчелы, кружась над стеклянными сосудами, заткнутыми пробкой, не позволявшей пчелам и девочке-замазуле узнать содержимое, так привлекавшее их, что не заметили, как пошел дождь, сбивший на землю пчел и простудивший /лишь слегка/ девочку, убежавшую домой и рассказавшую о находке соседу, не замедлившему принести сосуд домой и высосать содержимой, весьма приятное, на вкус, напоминавшее настойку из фиников, взрошенных, как знать, на берегу ли Персидского залива, вол-

ны которого, укачависеверный подарок, вернули его домой, куда он плыл дальним путем, законченным вскрытием и опустошением. Так же были извлечены и мелко исписанные листки, начивавшиеся словами"... на сфере жемчуга сидит тарантул старый"....